

еще проходила свою ученическую стадію, которую засталъ и испыталъ еще Пушкинъ; когда онъ кончалъ свое поприще, а Бѣлинскій приступалъ къ своему критическому труду, общество и даже многіе въ кругу писателей еще не успѣли освоиться съ понятіями искусства и національнаго характера литературы. Пушкинъ первый оканчивалъ упомянутый ученическій періодъ и былъ первымъ писателемъ, съ которымъ устанавливается поэтическая самостоятельность и національная окраска. Бѣлинскій созналъ дѣйствительное положеніе литературы въ первые же годы своего критическаго труда. Чрезвычайно характерно, что свое поприще, исполненное потомъ борьбы и пламеннаго воодушевленія, онъ началъ еще при жизни Пушкина извѣстными словами, что у насъ „нѣтъ литературы“; онъ съ торжествомъ говорилъ эти слова,—потому что только съ этого убѣжденія и могла начаться дѣйствительная, самобытная и жизненная литература. Слова Бѣлинскаго означали, что ученичество кончилось; въ Пушкинѣ и Гоголѣ онъ увидѣлъ твердую надежду будущаго широкаго развитія русской литературы и не обманулся въ этомъ: его поклоненіе Пушкину и особенно Гоголю съ первыхъ же произведеній послѣдняго свидѣтельствовали о глубокомъ пониманіи всего существа дѣла. Въ тогдашнемъ положеніи понятій огромнаго большинства дѣломъ первой необходимости было установить критеріумъ художественности, чтобы стало понятно все ребячество старыхъ самообольщеній о богатствахъ нашей литературы, и все великое значеніе писателей, по его почти пророческому убѣжденію, начинавшихъ новую будущую русскую литературу. Надо припомнить хаосъ тогдашнихъ литературныхъ понятій, вслѣдствіе котораго многіе совершенно искренно не понимали Пушкина и Гоголя, а тѣ, которые восхищались ими, часто не могли себѣ отдать отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ,—чтобы видѣть необходимость именно той критики Бѣлинскаго, какою она была. Если и по словамъ г. Морозова, Бѣлинскій указалъ, однако, и нравственную сторону пушкинской поэзіи, то критика новѣйшая едва ли прибавила много существеннаго къ его общему замѣчанію, хотя несомнѣнно прибавляла много спорнаго.

Отношеніе г. Морозова къ критикѣ 60-хъ годовъ намъ не представляется совершенно точнымъ. По словамъ его, эта критика совершенно отвергала Пушкина. Извѣстныя слова, которыми Пушкинъ отгоняетъ отъ себя чернь, мѣшающую мирному поэту, эти слова, говоритъ г. Морозовъ, „были приняты за безусловную profession de foi чистаго искусства и послужили исходнымъ пунктомъ для отрицательнаго взгляда на Пушкина. Въ ту эпоху